

Про женитьбу Владимира

Во стольном во городи во Киеве
У ласкова князя у Владимирера
Заводилось пирóванье-столóванье.
Все на пиру да пьяны-веселы,
Все на пиру да приросхвастались.
Иной-от хвастáт золотой казной,
Иной-ёт хвастат конем добрыим,
Иной-ёт хвастат силой-храбростью,
Умной хвастат отцом-матерью,
Глупой хвастат молодой женой,
Ходит Васинька нынь по полу,
Сапог о сапог поколачиват,
Жолтыма кудрями да принатряхиват,
Таки реци Вася да выговариват:
«Все у мя в городи споженены,
Все у мя девушки сповыданы,
Один только я неженат хожу,
Неженат хожу, да я холост блужу,
Не знаете ли, робята, мне-ка сполюбовницу,
Статным статну да полну возрастом,
Волосом русу да лицей белую?»
Вси робята тут призадумались:
Бóльшой хоронитца за среднего,
Средний хороницца за меньшого,
А от меньшого-то и ответа нет.
Из-за того стола да из переднего
Стават Дунай да сын Ивановиць,
Говорит-то он да таково слово:
«Ой есь, солнышко Владимир-князь!
Позволь-ко мне да слово вымолвить.
Не станёшь ли меня за то слово казнить,
Казнить-то меня да нынче вешати?» —
«Говори, Дунай, да что те хоцетця,
Говори, что те приохвотилось,
Ни единого словецка не утаивай,

Не утаивай словецька, не уранивай».
Говорит-то Дунай да сын Ивановиць:
«Жил я за морём за синиим,
У того жил Семена Лиховитого,
Жил я у его три года.
Есь у его две доцери Семеновны:
Больша-то Настасья доць Семеновна —
Сильна могуця палениця,
Мала Авдотья доць Семеновна
Выходила она в одной рубашици без пояса,
В одних шчаблетах без цюлоциков,
Сквозь ей рубашку тело видети,
Сквозь ей тело кости видети,
Всячески кости человечески,
Сквозь кости мозги видети,
Из кости в кость мозг переливаицця —
Скачен жемчуг перекатаицця».
У солнышка сердце загоряицця,
Говорит-то солн<ышко> Вл<адимер>-кн<язь>:
«Ой есь, Дунай да сын Ивановиць!
Привези поедь мне сплюбовницёй».
Говорит Дунай да таково слово:
«Ой еси, солн<ышко> Вл<адимер>-кн<язь>!
Есь у его Настасья доць Семеновна,
Срубит у меня да буйну голову.
Дай мне удалых двух молодцев:
Одного — старого И<лью> М<уромця>,
Другого — Олешеньку Поповиця».
Седлали-уздали они коней добрых,
Садилась они да на добрых коней,
Не видали отправки молодецкой,
Не видали поездки богатырьской,
Видят: во поли курева идет,
Курева идет, да дым столбом валит.
Приждали к городу Семёнову,
Становили шатер да во чисто полё.
Говорит-то Дунай да сын Иван<овиць>:
«Ой есь, старой да И<ля> М<уромец>!
Я один поеду нынь посватаюсь.

Буди дома Настасья доць Семёновна,
Я сыграю тогда во турий рог,
Приежайте вы поскорее ко мне».
Поехал Дунай да сын И<вановиць>,
Приехал он к городу Семёнову,
Слезывал он со добра коня,
Заходил он да во горенку —
Сидит Семён, да Лиховитый князь,
На той же лавоцьки дубовой.
«Здравствуешь, Семен да Лиховитой князь». —
«Здравствуй, Дунай да сын Ивановиць,
Куда ты пошел, да куда поехал?
Али приехал мне-ка в услуженьицё?»
Говорит-то Д<унай сын Ивановиць>:
«Приехал я к тебе не в услуженьицё —
Посвататьця Авдотью доць Семеновну
За того же солнышка Владимира».
Говорит-то Семен да Лиховитой князь:
«Была бы Настасья доць Семеновна,
Срубила у тебя бы буйну голову».
Другой раз Дунай нонь посватался:
«Ой есь, Семен да Лиховитой князь!
Отдай Авдотью доць Семеновну
За того же солнышка Владимира».
Говорит-то Семен да таково слово:
«Была бы Настасья доць Семеновна,
[Срубила у тебя бы буйну голову]».
Третий раз Дунай нынь посватался:
[«Ой есь, Семен да Лиховитой князь!
Отдай Авдотью доць Семеновну
За того же солнышка Владимира,]
Добром не дашь, дак я боём возьму».
Помутились у Дуная оци ясные,
Схватил Семена за черны кудри,
Поднял он его выше буйной главы,
Опустил его да о кирпиччат пол,
Придал его смерти лютой.
Ломал он у его кованы замки,
Заходил к Авдотьи в теплу спаленку:

«Здравствуй, Авдотья доць Семеновна». —
«Здравствуй, Дунай сын Ивано<виць>,
Куда ты пошел, да куда поехал?» —
«Я пришел тебя посвататьце
За того же солнышка Владимира». —
«Где у меня Семен да Лиховитой князь?» —
«Придал я его смерти лютой.
Ой еси, Авдотья доць Семеновна!
Бери себе платье подвенецьную,
Поедём со мной в стольней Киев-град
За того же за солнышка Владимира».
Горькими она заплакала,
Брала она платье подвенецьное,
Выходили они да вон на улицу,
Садилась она на добра коня,
Приеждали к шатру да белобархатну.
Говорит-то Д<унай сын> И<вановиць>:
«Ой еси, старой да И<лья> М<уромець>!
Бери невесту себе на руки,
Вези ей солнышку Владимиру.
Я поеду по Настасью доць Семеновну,
Звать стану ей на пир, на свадебку».
Поехал Д<унай сын> И<вановиць>,
Выезжат он на ископыт лошадину;
Увидел он: во чистом поли
Стоит шатер да чернobarхатный.
Приезждат он к шатру да чернobarхатну,
Слезывал он со добра коня,
Спустил своего коня доброго,
Заходил он во черный шатер:
В том же во черном шатру
Сидит Настасья доць Семеновна.
«Здравствуй, Настасья доць Семеновна». —
«Здравствуй, Д<унай сын> И<вановиць>,
Куда ты пошел, да куда побехал?» —
«Пришел я, приехал звать на свадебку:
Увезли у тя Авдотью доць Семеновну
За того же солнышка Владимира».
Говорит она да таково слово:

«Где у меня отец да Лиховитой князь?» —
«Убил я князя да Лиховитого,
Приехал звать тебя на свадебку».
Тут они да согласились,
Тут они да обручились,
Поезжают они да в путь-дорожецьку.
Поехали они да в путь-дорожецьку,
Приехали к городу Семенову.
Брала Настасья платье подвенецьное,
И поехали они в стольной Киев-град.
Идёт у солнышка почесен пир,
Заходили они да в светлы светлицы,
Посадили их да за дубовой стол,
Из-за того стола да под венец пошли,
Две свадьбы, две сестры под один венец.
Выходили они из божьей церкви,
Пошел у солнышка почесен пир,
Все на пиру да напивалисе,
Все на чесном да наедалисе.
Говорит-то Дунай да сын Ивановиць:
«Не было таких удалых добрых молодцов —
Не могли достать невесту солн<ышку> Владимиру,
Я достал за солн<ышка> Владимира
И за ся взял Настасью доць Семеновну,
Я по метоцькам, верно, метне всех».
Весела стала Настасья доць Семеновна,
Говорит она да таково слово,
Своема словами она вышиблась:
«Ой есь, Дунай ты сын Ивановиць!
Я силюнькой-то сильне тебя,
Я по метоцькам-то метне тебя».
Осердился Дунай да сын Иван<овиць>,
Говорит он да таково слово:
«Ой еси, Настасья доць Семеновна!
Пойдем со мной да во цисто поле,
Положим мы колецько на головушку,
Стрелеть станем да сквозь колецико».
Говорит-то Настасья доць Семеновна:
«Ой еси, Дунай да сын Ивановиць!

Прости меня да во первой вины».
Не прощат Дунай ей во первой вины.
Уговаривал его солн<ышко> Вл<адимер>-кн<язь>,
Уговаривали руськие все богатыри —
Не могли уговорить удала добра молодца.
Выходили они на зеленый луг,
Стал Дунай да сын Ивановиць,
Положил на голову себе колецико:
«Стреляй, говорит, Настасья доць Семеновна».
Первый раз стрелила сквозь колецико,
Другой раз стрелила сквозь колецико,
Третий раз стрелила сквозь колецико.
Говорит-то Настасья Семеновна:
«Прости, Дунай, меня во первой вины».
Ставала она на зеленый луг
И клала она на голову колецико,
Говорит она да таково слово:
«Ой еси, Дунай да сын Ивановиць!
Не стрелей мне-ка да во белы груди:
Есть лежат у мня во белых грудях
Тобой засеяны два ясных сокола,
По локот у их руки в золоте,
По колено их ноги в серебри,
Во лбу у их красно солнышко,
На затылки светёл месяц,
По косицям цясты звездоцьки —
Не губи своих ясных соколов
И меня, Настасью доць Семеновну».
Первой раз Дунай стрелил, он не дострелил,
Другой раз стрелил, он перестрелил,
В третий раз он направилса,
Спустил он ей стрелу да во белы груди —
Свалилась Настасья доць Семеновна
На ту же матушку сыру землю.
Подбежал Дунай да сын Ивановиць,
Роспорол он у ей белы груди:
Лежат тут два ясных сокола,
По локот у их руки в золоте,
[По колено их ноги в серебри,

Во лбу у их красно солнышко,
На затылки светел месяц,]
По косицям цясты звездоцьки.
Заткнул Дунай копье тупым концём
Во ту же матушку сыру землю,
Навалился своей белой грудью:
«Куда пошла бела лебедь,
Туда, грит, пойдет и ясной сокол».

(Зап. Леонтьевым Н. П.: 10 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на — от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.